

ОЛЕГ НЕМЦОВ

ПО ДРЕЗДЕНСКОМУ
СЧЕТУ

Немецкий дом Ванека, Тулэ

M•Graphics Publishing, Boston

ОЛЕГ НЕМЦОВ

**ПО ДРЕЗДЕНСКОМУ
СЧЕТУ**

БОСТОН • 2015 • САН-ФРАНЦИСКО

Олег Немцов

По Дрезденскому счету

Oleg Nemtsov

Po Dresdenskomu Schetu

Печатается по оригинальному авторскому тексту

Copyright © 2014 by Oleg Nemtsov

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220-21-5

Library of Congress Control Number 2014960171

Иллюстрации: © Wikimedia Commons

В подготовке издания принимали участие:

M•Graphics Publishing, Boston и

Издательство «Немецкий дом Ванека», Тулэ

Printed in the USA

*Я подарю тебе книжку из Тулэ
Хочешь купи себе в Туле ружьё
С дружбой тебя как ты видишь надули
В сей уверенья прими неживьём*

Лишь тем кого уведомил о том немецкий дом

СОДЕРЖАНИЕ

По дрезденскому счету

9

Laius Rex. Романетта

81

Стихотворения и поэмы

91

Внимание!

В тексте книги используется ненормативная лексика!

**По
ДРЕЗДЕНСКОМУ
СЧЕТУ**

Янтарные чётки

ПОЛАЯ БУСИНА

Всё было бы ничего, кабы не моя родная дочка, просил ведь по-хорошему, к чёрту пармские фиалки, передай фашистский привет от папы Эзре, если делать нечего: папа мачеха сестра дядя Ньюма, пожалуйста, на San Marco пыряют прожекторами, папа, дядя Ньюма ещё получают свои макароны, всё будет хорошо, на San Michele уже плохо, не ищи жида, хочешь живого и симпатичного — дядя Ньюма, претендующего на вхожесть к Жиду Вечному — тогда папа, поковыряйся в том, что не умеешь произнести, и папа пальцем не тронет, как это вы там говорите, великого поэта Иосифа блядь Бродского. Бродские — те не разлучались с деньгами, сахар, глупый сахар, эти матрёшки сыпят сахар в чай, они потом это пьют, у них не только загадочная душа, но и физиология, как мы знаем, необычная («Уши на хуй опусти, отморозишь») у матрётрёхов ихних, бусы в жирную шею и ребусные вкусовые рецепторы, да не те Бродские.

Как мы в Израиле с тобой говорили: кто мы — немцы, конечно, немцы, и сидела беленькая Сашка, понятно, что немцы. «Я думаю, что по-настоящему смог бы полюбить только немецкую женщину». В бункере не вполне светло, можно представить, что когда бомбят, лампочки, что висят, болтаются, вот такой проливают свет. Это темно, но какой-никакой свет. Моя жена не скажет что мне виднее, когда мало света, тогда темно.

Было примерно темно, непроглядной ночью мне приглянулась барышня, так бы и шёл... как иду, и скоро куплю себе трость.

Козла нельзя полюбить понарошку, точнее, у меня из этой затеи ничего не получилось, нет, не сестра милосердия, даже

не goodlooking nurse, но мы уже почти пришли: грозней только сама коза.

Умею делать достоверную тень собачки и нечто без имени при рогах и одинаково нестрашно, если, конечно, собачка не открывает пасть.

Доченька, если на узкой дорожке встретятся, к примеру, твой кумир и папина коза, кто кого соберет? Правильно, то есть эта шмазь не удосужилась усомниться в достоверности обезжиренных ранжиров и топталась у Ольги в передней таким как бы Пиндаром, за малоосвещённостью путая место пребывания с местом назначения. И сойди Толя Найман хотя б за Сафо, тени так бы и перетаптывались, как наказал их Дант неразлучностью, не будучи от природы добр.

А уж Ольга, та точно обрадовалась. И куда ж их такое посадить, поэта с попечительницей, и чем бы таким попотчевать, и о чём бы таком поболтать, когда печеньем не подавятся: клетке в Пизе без брезента, перчатками рожках отхлёстанных добродетелей — нуворишей, козле отпущения, то ли отпущенным... эти притащили целых четыре щеки... пара перчаток с руки, неспособной к кулачному бою... может, все и расшвырял.

Да, сказал догадливый я, и тогда вы приходите Эзре Паунду то ли внуком... но и правнуком тоже нет, хотя у тех, кто вопросом интересовался, и так считать были известные основания. Молодой человек придерживался однако другой версии: где-то чего-то Эзре недодали.

В Провансе кончали от неприступности, не осаждали, даже не досаждали, школяры, укреплённые поллюциями, лицезреть предмет воздыханий хамели могли, сочинитель-

ству не способствовало, чином выше — мельком понаслышке: локон шея завиток, ценитель тонкий, супруг, неудачи сопровождает тумачами, сравнивай, да не намекай, пуще сублимируйся, ан в себе не замыкайся, мыкайся, недолапу-недотрогу-недодаду да прославь. Ветренные мэтры писали в никуда, в жаркие страны, где жить без тебя нет мочи, в иные пространства с похожим банальным концом и без последнего сарацина, где отравленный колодец, тарантул и бред — единственные твои друзья. До Ариоста им версты две, но говном, калейдоскоп блёклых галлюцинаций — кикимора восточного фронта.

Воспевать горбуний ливанских старух заморских, карлиц, сомнамбул, несусветица со всего света, колосс басен на кри-вых волосатых ногах.

Уплыл Бульонский Готфрид
 Укропом молодым
 На блюдечке акрополь
 Пижонам рифмоплётам
 Всемиловитый Боже
 Как им, так не поможет,
 Горчицу из Дижона на гузку не намажет
 Цесарка на булдыжке манжетой манит
 Достанется не им
 Пупок печёнка почки
 Весь этот сучий потрох
 Ворона, может быть
 Хватились — сердца нет
 И океан бульона, и сковородок ад,
 И если бы видали, то сердца не вернут.

Когда сажаешь в клетку хорошего поэта, клетку брезентом надо накрывать.

Поэт — существо глубоко бесполезное. Единственный толковый совет, изошедший от них всех, подарили Данту, приписав его к попугаям, настрополённым билеты не клевать, а тащить. Совет касается обретения благосклонности (ну, этой,

чьей благосклонности добиваются, а не выкрутив — убиваются) к созданию, природой обделённому способностью нравиться самому по себе, без совета из кармана знаменитого поэта. Канонически совет звучит как подождать точка. Не уточняется, от кого сама неприступность должна забеременеть, но вот тут-то и рванул Пегас: неясно, на какую дрянь потянет в интересном положении. Иные советы были тайно даны и польза от них, как от путеводной звезды, ну а когда приспичило, надо ждать.

Когда у знаменитого поэта Иосифа Бродского спросили, какого чёрта он забыл на Крыше Мира, притулившись в расщелине орлом, другие ребята, мол, летают и срут куда попадёт, он сделал пальцем тыц, он мучительно закатил глаза, он не вытер жопу, это был не его день — день Витязя в бараней шубе, а завтра он расскажет всё, когда, рванув шубу, не успеет Витязь воссесть орлом. А Пабло Неруда гадит у себя в Кордильерах, и носит шёлковые кальсоны, и орлом лишь летает, висит неподалёку от тёплого толчка.

Поэт — не носитель ритма. Он носитель медальки лауреата, и наряду с конструкторами летательных аппаратов и иных Атлантов, на плечи которых может смело рассчитывать свободная от предрассудков большая часть человечества, призван (ну, он же щедро наделён природою познаниями и дарованиями) так что-то такое сделать своим накладным плечом, чтоб у нас стало ещё лучше, и, воздав напалмом тем, кому уже и так хорошо, не на чём попало — мало, скажешь у нас белоснежных лайнеров — айда на Цитеру, благо дело заместо лохматых зарослей там тоже прогресс — сады да парки, лужайки для гольфа, и пидеры прославленных балетных трупп запыхались отдуваться за фавнов с сатирами.

Я не знаю, собирал ли Костя и этот фольклор, только дочка моя знает тётеньку, беременную от Бродского близнецами, не Кастором и Поллуксом, нет, не знаменитыми, но именно от

Бродского, вот это любовь, я понимаю, кликуши — это вещь! Как я его понимаю, Сашке не даёт покою запах, исходящий от шизофреничек, ему обонятельнее, запах дурдома, плохо ухоженных людей, он всё спрашивает, не завонялся ли я тем же, а я-то откуда знаю — поеду, дам ему понюхать... под хвостом не дам.

ТЁРТЫЙ БИСЕР

Я не слишком сам люблю Эзру Паунда, по-моему, он злоупотреблял аморфными текстами, ритмической нагрузки почти не несущими. Но чьей казни публично потребует Лион Фейхтвангер — считай, под моим крылом. Здесь-то у меня и заело: Гамсун (истерический запах неподаренных брошенных неприкаянных цветов, но подштаники — те, конечно, воняли, бедные Лепорелло), Селин (эфир, ему и колбы в руки, резкий столь, что цветная блевотина — сплошная галлюцинация, может, волна ещё пахнет, брызги — да, а исторгнутое нет), бедный Селин, пэтный маршал Петэн, я, естественно, предпочитаю Геринга и фон Гинденбурга, но это честно, что германцы, галльской чернью низверженные, прозябавшие на правах сословья символического, храбро, но где-то против воли сражались по старым причинам, после сорок пятого года стали ебстись с ниггерами, хлестать Кока-Колу и держать широко открытым рот, то ли чтоб на что-то сгодиться, то ли чтоб слюне было легче бежать, а эта штука: драться потому что есть узы клятвы — университет, факультатив, Кристоф фон Эшенбах, Парцифаль, и имя его — искажённая геральдика — утеха пангерманистов. Для меня смысла тоже немного, но красиво.

Денацификация — тяжёлая артиллерия: Фуртвенглер — тот почти не махал. Стоял, может, он любил, когда хорошо играют, на подиуме наверняка слышно хорошо, длинный как

жердь — бельмо на глазу у карликов, стоял и ритм ногой отбивал. А что, нельзя? Карлики ныли, завидя его тень, притащился за золотом и руками ничего не делает, всё вытягивается поторгуйся — молодость тью-тью. Где та бонза, что играть нельзя? Бонзы заказывали хорошую музыку, ихние интеллектуалы — военные лётчики, импотенты и иные пидеры, ничего не понимая в «кто эту девушку ужинает, тот её и поймёт», чернили бонз перед девушками, хрюкали, набрасываясь на их хороший музыкальный вкус, переварили «Полёт Валькирий» и стали его пердеть. Ежели какая свинопалка окочурится, играют марш из *Götterdämmerung*, ну марш, ну грустный, стоят столбики пыли, ветер пыль метёт, ей богу, ставят трофейные бабины, уж не Зубина Мету, фигли-мигли, вам когда-то станет можно играть Вагнера, потом, всё потом, когда станет можно есть свинью.

Освальд Кабаста денацификацию не прошёл: рьяно махал, брал палочку за правильный конец, тряс фалдами фрака, жопой, и ею, ухватившись так, что неправильный конец птичкой колибри летал и насвистывал, ну всё, как у птах, тем же потом и кормиться. Нахохлившаяся горстка пёрышек пирамидкой на ветру долго не простоит.

Я бы предпочёл в своей коллекции иметь Шестую Брукнера с Освальдом Кабастой, чем не иметь её с доктором Клемперером. Эта гнида — Чарли-Чаплин-Аркадий-Райкин — перед началом своей головокружительной музыкальной карьеры перенёс недуги, коих не перенёс бы никакой Гёц фон Берлихенген с одной, но железной рукой. От них бы полёг легион загорелых жлобов, а этот — как огурчик, только двигаться почти не может, только трясётся, и чёрт, забыл (больной человек), за какой конец держат палочку, тяжёлая роговая оправа пялилась на поупитр без толку, кто ж эту дрянь всю написал, и непоправимо разёбанная мозга силилась припомнить, в каком таком захолустье так отточили мастерство погнутого, но несгибаемого заместителя хранителя немецкой музыкальной традиции на время денацификации, ну, он потом её ещё немного побережёт...

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

НЕМЕЦКАЯ ПОЭМА

1

Девушкам нравятся арапчата
Что тут можно поделать
Вызывать восхищение проституток
Удел немецких поэтов

Дилижанс шарабан пьяны оба
Александр Александрович залезай
Дороги здесь те не ведут в Елабугу
Что чертями напутствуемы в Казань

Нам карачун, а им — Достоевски
Арап их учит писать стихи
Ознакомительная поездка
По страшным просторам чужих стихий

С детства у них отморожен пальчик
Смех останется боль пройдет
Увеселительная задачка
Какая из дур в Москву попадёт

2

Иная балтийскою станет птицей
Они нам понятное прокричат
Здесь доживать — не грех удавиться
Пули — для арапчат

3

Холодок-дурак не тронет коленки
Нашей Ирочки, нашей Зинки
Ихних Зин да Ир
Вытрет до дыр

Зинаиде Гиппиус

Немец не заяц
Берёт билет
Поезд везёт в Берлин
Ничего непонятного
Посещает столицу тот господин
Кто не против вдыхать бензин
И столичный шум ему нипочём
Зина не едет в Москву
Хватает как есть впечатлений
Все розовые портки едут прямо в Париж
В сундуках Мережковского
Зимой широко распахнуть окно — так умрёшь
Но ты не об этом пишешь
Она выдаст тебе по первое число
За дюжину отморозков
и во всём сознавшееся божество

Соль той земли просыпана в таборе
К ссоре, любимый, к ссоре
Но мусор в твоей голове
Гвалт из Стамбула валит в Марсель
Отрадный податливый нам язык
Его карусель

Яичко от чёрной куры в шабат недёшево
Кушайте гвозди
Зина купила квартиру в Париже заранее
Попиздеть в досталь

Немецкий дом Ванека, Тула

M-Graphics PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-940220-21-5

9 0000 >

9 781940 220215